

Н. Н. Фатов

ДЕФИНИТИВНЫЙ ТЕКСТ
СТИХОТВОРЕНИЯ «19 ОКТЯБРЯ» (1825 г.)

Вопрос об окончательном, «каноническом» или «дефинитивном», тексте Пушкина не может быть разрешен единообразно и удовлетворительно для всех пушкинских произведений, но этот вопрос уместно ставить по отношению к отдельным произведениям при наличии соответствующего материала.

Публикуемый здесь неизвестный доселе автограф Пушкина дает возможность установить дефинитивный текст стихотворения «Роняет лес багряный свой убор...»

Эдиционная история этого стихотворения такова.

Написанное осенью 1825 г. в Михайловском, оно было переслано поэтом А. А. Дельвигу для напечатания в «Северных Цветах». Дельвиг представил рукопись через А. Х. Бенкендорфа в «высочайшую» цензуру. 4 марта 1827 г. Бенкендорф писал Пушкину:

Милостивый Государь,

Александр Сергеевич!

Барон Дельвиг, которого я вовсе не имею чести знать, препроводил ко мне пять сочинений Ваших: я не могу скрыть Вам крайнего моего удивления, что Вы избрали посредника в сношениях со мною, основанных на Высочайшем соизволении.

Я возвратил сочинения Ваши Г. Дельвигу и поспешаю Вас уведомить, что я представлял оные Государю Императору.

Произведения сии, из коих одно даже одобрено уже Цензурою, не заключают в себе ничего противного цензурным правилам. Позвольте мне одно только примечание: заглавные буквы друзей

Примечание. Настоящая статья была прочтена в 1925 г. в качестве доклада в заседаниях Пушкинской комиссии О. Л. Р. Сл. и секции русской литературы Исследовательского Института языка и литературы РАН ИОН.

в пиесе 19-е Октября не могут ли подать повод к неблагоприятным для Вас собственно заключениям? это предоставляю Вашему рассуждению.

С совершенным почтением честь имею быть
Вашим покорнейшим слугою

А. Бенкендорф ¹.

Письмо было послано в Псков, Пушкин же находился в Москве, и потому только 22 марта он мог представить свои объяснения.

«Милосливый государь, Александр Христофорович! — писал он. — Стихотворения, доставленные Бароном Дельвигом Вашему Превосходительству давно, не находились у меня: они мною были отданы ему для альманаха Северные Цветы и должны были быть напечатаны в начале нынешнего года. Вследствие Высочайшей воли, я остановил их напечатание и предписал Барону Дельвигу прежде всего представить оные Вашему Превосходительству.

«Чувствительно благодарю Вас за доброжелательное замечание касательно пиесы: 19 Октября. Непременно напишу Б. Дельвигу, чтоб заглавные буквы имен — и вообще все, что может подать повод к невыгодным для меня заключениям и толкованиям, было им исключено...»

Беловой рукописи стихотворения не сохранилось, и нельзя сказать точно, в каком виде оно послалось Дельвигу, и было ли что-нибудь «могущее подать повод к невыгодным заключениям и толкованиям» «исключено», кроме заглавных букв имен, замененных звездочками и тире.

Стихотворение было напечатано в «Северных Цветах» на 1827 год — последним номером в альманахе ².

¹ Сочинения Пушкина. Издание Академии Наук. Переписка под ред. В. И. Саитова, т. II, СПб., 1908, стр. 10.

² «Северные Цветы» на 1827 год. Изданы Бароном Дельвигом. СПб., 1827, стр. 342 — 348. Заглавие: «19 Октября». К заглавию — сноски:

Этот первопечатный текст включает в себе 18 строк:

1. Роняет лес багряный свой убор...
2. Печален я: со мною друга нет...
3. Я пью один, и на берегах Невы
Меня друзья сегодня именуют...
4. Он не пришел, кудрявый наш певец... (о Корсакове)
5. Сидишь ли ты в кругу своих друзей...
6. Ты сохранил в блуждающей судьбе... (обе, 5-я и 6-я, — о Матюшкине)
7. Друзья мои, прекрасен наш союз!..
8. Из края в край преследуем грозой!..
9. И ныне здесь, в забытой сей глуши... (о Пущине)
10. Ты,*— счастливец с первых дней... (о Горчакове)
11. Когда постиг меня судьбины гнев... (о Дельвиге)
12. С младенчества дух песен в нас горел...
13. Служенье муз не терпит суеты...
14. Пора, пора! душевных наших мук
Не стоит мир...— (о Кюхельбекере)
15. Пора и мне... пируйте, о друзья!..
16. И первую полней, друзья, полней!..
17. Пируйте же, пока еще мы тут!..
18. Несчастный друг! средь новых поколений
Доучный гость и лишний и чужой!..

Во второй раз стихотворение было напечатано в 1829 г., в собрании стихотворений Пушкина¹ — в той же самой редакции. Имеется, правда, довольно большое количество разночтений², но ни одно из них не изменяет смысла, касаясь исключительно правописания или пунктуации, напр:

в Сев. Цветах:

сего дня
кудабъ
Музъ
оживи,

в изд. 1829 г.:

сегодня
куда бь
музь
оживи;

и т. п.

«19 Октября 1811 года было открытие Императорского Царскосельского Лицея». Кроме этого стихотворения в альманахе из пушкинских вещей еще напечатаны: «Письмо Татьяны», «Ночной разговор Татьяны с няней» и «К***» («Я помню чудное мгновенье»).

¹ Стихотворения Александра Пушкина. Санктпетербург, 1829. Вторая часть, стр. 34 — 43.

² При беглом сличении мною замечено 48 случаев.

Так как «Северные Цветы» печатались без участия Пушкина, издание же 1829 г. Пушкин, несомненно, подготовил к печати сам¹, по текст издания 1829 г. надо признать более авторитетным, чем текст «Северных Цветов», и считать первопечатным авторским текстом.

Этот текст воспроизведен в посмертном издании² — лишь с незначительными изменениями, преимущественно в области пунктуации.

Текст посмертного собрания перепечатывают Анненков в своем издании 1855 г. (СПб., т. II, стр. 391—396) и П. О. Морозов (изд. «Просвещения», СПб., т. II, стр. 19—23). Этот же текст (но с пунктуацией изд. 1829 г., а не посмертного) дает венгерское издание (СПб., 1908, т. II, стр. 381—383), лишь полностью печатая фамилии, ранее заменявшиеся звездочками. Тот же текст дает академическое издание (т. IV, II г., 1916, стр. 147—152), также вставляя имена. Наконец, тот же текст мы имеем в последнем издании сочинений Пушкина под редакцией Б. Гомашевского и К. Халабаева (Ленинград, 1924, стр. 34—36), причем текст 1829 г. воспроизведен в этом издании с максимальной точностью, если не считать вставленных имен и двух замеченных мною разночтений:

изд. 1829 г.:
Царское-село
Пермесских дев

изд. 1924 г.:
Царское Село
пермесских дев

¹ Впрочем, печаталось оно также в его отсутствие, и корректур Пушкин, очевидно, править не мог. Вот относящиеся сюда даты (по Лернеру): 9-го марта 1829 г. Пушкин выезжает из Петербурга в Москву; 25 марта — разрешение выпустить из типографии 1-ю часть «Стихотворений Александра Пушкина»; 1-го мая — Пушкин выезжает из Москвы в Грузию; 25 июня — разрешение выпустить из типографии 2-ю часть «Стихотворений Александра Пушкина»; 20-го сентября Пушкин возвращается в Москву.

² «Сочинения Александра Пушкина». Том третий. СПб., МДСССXXXVIII (1838), стр. 16—22.

Все указанные издания составляют, так сказать, одну линию, восходящую к первопечатному авторскому тексту.

Но рядом с ней идет и другая линия — редакторов, которые кладут в основу не первопечатный текст, а текст черновой рукописи стихотворения, дающей ряд дополнительных строк, не вошедших в первопечатный текст.

Автограф стихотворения «19 октября», единственный, известный нам, принесенный 2 марта 1855 г. в дар Александровскому Лицею товарищем Пушкина М. Л. Яковлевым, был издан с точной (хотя далеко не идеальной) транскрипцией Я. К. Гротом в «Известиях Имп. Академии Наук по отделению русского языка и словесности», т. VI, лл. 17—21, СПб., 1858, столб. 329—336 (статья под заглавием «Автограф Пушкина» — *ib.*, стр. 326—336)¹. В 1911 г. автограф был воспроизведен факсимиле, цинкографическим способом в известном издании кн. Олега Константиновича Романова², — и таким образом теперь легко всем доступен³. Текст этот представляет собою, по видимому, не первоначальный, а уже перебеленный авторский черновик, с многочисленными поправками, и дает раннюю редакцию стихотворения, содержащую 25 строк, вместо 18, причем строфы перенумерованы Пушкиным в количестве 24 с пропуском строфы 2-й, совершенно им зачеркнутой.

По сравнению с первопечатным текстом имеется много различий, отмеченных в примечаниях к академическому изданию (хотя далеко не с идеальной точностью). Если мы обозначим вторую, зачеркнутую, строфу № I-a, то соотношение строк черновой рукописи и первопечатного текста будет такое:

¹ Затем перепечатано в книге «Пушкин; его лицейские товарищи и наставники». СПб., 1887, стр. 193—207, в собр. сочинений Я. К. Грота.

² «Рукописи Пушкина», I л. Автографы Пушкинского Музея Императорского Александровского Лицея. СПб., 1911. Выпуск I.

³ Необходимо отметить, что полного тождества между публикацией Я. К. Грота и факсимиле нет; чем объяснить ряд различий и лишних слов у Грота — не знаю. *Н. Ф.*

- Строфа 1 черн. рук. («Роняет лес багряный свой убор...») — совпадает с 1 строфой первопечатного текста;
- » 1-а » » («Товарищи, сегодня праздник наш...») — отсутствует в первопечатном тексте;
 - » 2 » » («Спремлюся к вам, хожу меж вами я...») — отсутствует;
 - » 3 » » («Спартанскою душой пленяя нас...») — отсутствует;
 - » 4 » » («Они твердят томительный урок...») — отсутствует;
 - » 5 » » («Мечты, мечты! со мною друга нет...») — соответствует 2-й строфе первопечатного текста («Печален я со мною друга нет...»);
 - » 6 » » («Я пью один — и на берегах Невы...») — соответствует 3-й строфе первопечатного текста;
 - » 7 » » («Он не пришел, кудрявый наш певец...») — соответствует 4-й строфе первопечатного текста;
 - » 8 » » («Являлся ль ты в кругу своих друзей...») — соответствует 5-й («Сидишь ли ты в кругу своих друзей»);
 - » 9 » » («Ты сохранил в блуждающей судьбе...») — соответствует 6-й;
 - » 10 » » («Друзья мои! прекрасен наш союз...») — соответствует 7-й;
 - » 11 » » («Из края в край преследуем грозой...») — соответствует 8-й;
 - » 12 » » («И ныне здесь в забытой сей глуши...») — соответствует 9-й;
 - » 13 » » («Мы вспомнили, как Вахку в первый раз...») — отсутствует;
 - » 14 » » («Ты, Горчаков, счастливец с первых дней...») — соответствует 10-й;
 - » 15 » » («Когда меня постиг судьбины гнев...») — соответствует 11-й;
 - » 16 » » («С младенчества дух песен в нас горел...») — соответствует 12-й;
 - » 17 » » («Служенье муз не терпит суеты...») — соответствует 13-й;
 - » 18 » » («Пора, пора! душевных наших мук...») — соответствует 14-й;
 - » 19 » » («Пора и мне... Пируйте, о друзья!...») — соответствует 15-й строфе первопечатного текста.

Далее — дело идет несколько сложнее, а именно: первая половина 20-й строфы чернового текста —

И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна! — в честь нашего союза!
Благослови, ликующая Муза!
Благослови, да здравствует Лицей!..—

составляет начало 16-й строфы первопечатного текста; вторая половина 2-й строфы черновой рукописи («Злачные дни, уроки и забавы» и пр.) зачеркнута, и вторую половину 16-й строфы первопечатного текста составляет 2-я половина 22-й строфы по черновой рукописи («Наставникам, хранившим юность нашу...», и пр.).

21-я строфа по черновой рукописи (выписываю ее целиком, так как о ней-то и будет впереди речь) —

О други с мест, вторую наливайте
Полней, полней — и сердцем возгоря
Опять до дна, до капли выпивайте!..
Но за кого-ж? о, други! угадайте...
Ура, наш Царь! — так выпьем за Царя.
Он человек: им властвует мгновение;
Он Раб Молвы, сомнения и страстей —
Но так и быть, простим ему гонение:
Он взял Париж и создал нам Лицей —

отсутствует в первопечатном тексте.

Первая половина 22-й строфы — знаменитые строки —

Кунцыну дань сердца и вин
Он создал нас, он воспитал наш пламень
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена...—

также отсутствует в первопечатном тексте; 2-я половина 22-й строфы («Наставникам, хранившим юность нашу...»), как было уже сказано, составляет 2-ю половину 16-й строфы первопечатного текста.

Строфа 23-я черн. рук. («Пируйте-же, пока еще мы тут...») — соответствует 17-й строфе первопечатного текста.
» 24 » » («Несчастный друг! средь новых поколений...») — соответствует 1-8й строфе первопечатного текста.

Кроме того, в 13-й строфе 4 строки — тоже знаменитые (о Пущине) —

И все прошло: проказы, заблужденья...
Ты осыятил побой избранный сан;
Ему — в очах общественного мненья
Завоевал почтение граждан —

зачеркнуты Пушкиным, и вместо них внизу страницы написаны другие 4 строки («Что ж я тебя не встретил тут же с ним...» и пр.) — о Малиновском, которые вместе с четырьмя оставшимися и составили 13-ю строфу по черновой рукописи. Зачеркнутые строки можно обозначить № 13-а.

Все стихотворение, таким образом, имеет в черновой рукописи 25 с половиной строф.

Наконец, в рукописи имеется еще эпитафия: *Nunc est bibendum* (Ног.) и в конце дата: «Михайловское, 1825».

Или, другими словами, первопечатный текст включает в себя: —

1, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 17, 18, 19, первую половину 20-й, вторую половину 22-й, 23-й и 24-й строфы черновой рукописи

и опускает

1-а, 2, 3, 4, 13, 13-а, вторую половину 20-й, 21-й, первую половину 22-й — всего шесть целых строф и при половинки, т. е. 7½ строф.

Публикация Гропом полностью черновой рукописи, конечно, была совершенно естественна, но должна ли она была повлиять на основной текст стихотворения? Большинство редакторов, — названные мною выше, — решили этот вопрос отрицательно и перепечатывали текст 1829-го или 1838-го г., не вводя и никак не отмечая пропущенных строф. Но наличие в этих черновых строфах вполне поэтически совершенных и крайне интересных по содержанию стихов, вроде знаменитых строк, обращенных к Куницыну, естественно, не могло не привлечь к ним особого внимания. Первым ввел эти дополнительные строфы П. В. Аннен-

ков, напечатавший пропущенные места в VII, дополнительном томе, вышедшем в 1857 г. (стр. 61—63) под заглавием: «Сτροφы, отброшенные Пушкиным в стихотворении: «19 октября», причем из строфы 21-й (про царя) он мог напечатать лишь 1, 2, 4 и последнюю строки в таком виде:

О, други, с мест! Вторую наливайте!
Полней, полней — и сердцем возгоря,
Ура наш Царь!.. Так, выпьем за Царя!
.....
Он взял Париж и создал наш Лицей⁴.

Не могли быть напечатаны также и 3 строки о Пущине («Ты освятил» и пр.). Свою публикацию Анненков сопроводил таким примечанием:

Пушкин выпустил эти строфы, не имеющие поэтического достоинства и написанные только для оживления еще недавнего бывшего в воспоминании друзей; но для нас они весьма важны, заключающая в себе несколько любопытных подробностей о лицейской жизни вообще. В первых четырех строфах поэт относится мысленно к будущим участникам лицейского праздника, которые тогда, в 1825, еще сидели на скамьях лицея, запертые в стенах его². Биографическое значение отрывков будет легко признано всеми читателями (стр. 63—64).

Сличая опубликованный Анненковым текст пропущенных строк с рукописью Александровского лицея, мы замечаем ряд существенных разночтений³; это дает основание пред-

¹ В таком же виде мог напечатать эту строфу и Я. Грот в «Известиях Академии!» только в 1887 г. в книге «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники» мог напечатать всю строфу без пропусков.

² Это толкование совершенно произвольно и не соответствует смыслу стихов Пушкина; поэт ясно говорит о своих товарищах по лицейскому, а вовсе не о лицеистах следующих выпусков.

³ Они указаны П. О. Морозовым в примечании к собранию соч. Пушкина изд. «Просвещения», том II, стр. 369—376. Морозов дает текст по Анненкову, варианты же приводит по Гроту; впрочем, делает это он не вполне последовательно, упоминая иногда и варианты первоначального гротовского текста (т. е. восстанавливая зачеркнутое Пушкиным), и не оговаривает этого.

полагать, что в руках у Анненкова была другая рукопись, до нас не дошедшая, и что его публикация сделана независимо от публикации Гропа, причем она и появилась в свет, повидимому, раньше гротовской.

Точно так же, как и Анненков, поступает П. О. Морозов, публикуя в основном тексте первопечатную редакцию и сообщая варианты и дополнительные строфы в примечаниях¹.

Совершенно иначе поступает П. А. Ефремов, который в своем издании² печатает все стихотворение целиком, вводя и пропущенные строфы, лишь выделяя их графически (набраны петитом и немного отступя вправо)³.

Наконец совсем уже не обращает внимания на первопечатный текст В. Я. Брюсов, который в своем издании⁴ дает сплошь весь текст черновой рукописи⁵ — все 25 с половиною строф, нумеруя их так же, как это было сделано и мною выше, т. е. вводя обозначения: 1-а и 13-а.

¹ Указанное издание «Просвещения», том II, стр. 19—23 и прим., стр. 369—378, причем в основу положен текст изд. 1838 г., и Академическое издание, том IV, стр. 147—152 и прим. 187—201, где в основу положен текст изд. 1829 г. Нельзя не заметить, что, печатая на стр. 189—190, 191 и сл. черновые варианты, П. О. Морозов дает какую-то совершенно фантастическую транскрипцию, не передающую текста опубликованной Гропом рукописи, а представляющую произвольное соединение двух вариантов — гротовского и анненковского, причем последнему отдается предпочтение; варианты же по гротовскому тексту изображаются как бы зачеркнутыми, хотя бы в рукописи они и не были зачеркнуты. Прием — более чем странный.

² Сочинения А. С. Пушкина. Редакция П. А. Ефремова, том II, издание А. С. Суворина, СПб., 1903, стр. 38—46.

³ Текст дается по Анненкову; пропущенное у Анненкова — по Гропу.

⁴ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений. Со сводом вариантов. Под редакцией со вступительными статьями и объяснительными примечаниями Валерия Брюсова. Том первый. Часть первая. Государственное издательство, Москва, 1920, стр. 234—238.

⁵ Впрочем, текст дается все же не по рукописи, а по Ефремову, т. е. смешанный анненковский с гротовским, лишь с некоторыми поправками.

Таким образом, получается вторая линия: Гроп (конечно, с особыми заданиями)—Ефремов—Брюсов.

Или, уточняя, можно установить четыре способа воспроизведения стихотворения «Роняет лес»...

1) Дается лишь 18 строк первопечатного издания—посмертное и венгеровское издания¹.

2) Дается текст первопечатного издания; дополнительные строфы и варианты приводятся в комментариях и дополнения—анненковское издание, издание «Просвещения», академическое.

3) Стихотворение печатается целиком (25 строк), но опущенные строфы выделяются графически—ефремовское и

4) Воспроизводится весь текст без какого бы то ни было выделения пропущенных строк—Гроп и В. Брюсов.

В примечаниях (П. Морозова) к венгеровскому и академическому изданиям сказано: «Стихотворение было представлено в цензуру Бенкендорфа через барона Дельвига, причем из рукописи были заранее исключены семь строк, а собственные имена товарищей обозначены только главными буквами»².

Возникает вопрос, почему Пушкин исключил эти строки,—считал ли он их органически лишними или несовершенными, «не имеющими поэтического достоинства», как выразился, безо всякой, однако, мотивации, Анненков, или в силу каких-то спорных, напр. цензурных, соображений, как, по видимому, полагает В. Я. Брюсов, категорически заявляющий: «При жизни Пушкина «Сев. Цв.», 1827 и изд. 1829 г. (это стихотворение) могло появиться в пе-

¹ Пропущенные строфы С. А. Венгеров, очевидно, рассчитывал поместить в дополнительном томе, который должен был включить «историю пушкинского текста», обещанную с I тома и так и не осуществленную.

² Венгеровское изд., том III, СПб., 1909, стр. 574 и академическое издание, том IV, П., 1916, стр. 188.

части¹ лишь с пропусками строф: 1-а, 2—4, 13, 13-а, второй половины 20-й, 21, первой половины 22» (брюсовское изд., стр. 238).

Если бы было верно последнее, то мы, естественно, имели бы право восстановить пропущенное, как, например, восстанавливаем опущенные Пушкиным собственные имена. И в таком случае из всех редакторов на верном пути оказался бы В. Брюсов, напечатавший стихотворение по рукописи целиком. Но едва ли у нас есть к тому какие-либо основания.

Во-первых, большинство строф (за исключением 21-й — о царе, строк о Пущине и, может быть, строк о Куницыне) в цензурном отношении нисколько не «опаснее» напечатанных. Во-вторых, некоторые из них сам Пушкин в черновой (лицейской) рукописи — зачеркнул: строфа 1-а не вошла даже в авторскую нумерацию, затем зачеркнуты конец 13-й строфы, конец 20-й и конец 21-й. В-третьих, некоторые из опущенных строф имеют в рукописи (и в воспроизведении В. Брюсова) явно не окончательный вид, что особенно заметно на строфе 21-й, которая в отличие от всех остальных, состоящих из восьми строк, имеет девять строк, и явно нарушает проводимую во всем стихотворении систему рифм: *abba cdcd*².

Наконец, мы имеем еще и авторитетное свидетельство Я. К. Гропа. В упомянутой выше статье «Автограф Пушкина» (стр. 326—327) он пишет:

В том виде, как 19-е октября (sic!) напечатано еще при жизни Пушкина, это стихотворение: содержит в себе 18 строф. В таком же виде оно дошло еще неизданное до Царскосельского Лицея в 1826 году. Тогда я только что начинал свое воспитание в Лицее; однажды профессор русской словесности Н. Ф. Кошанский, бывший наставник Пушкина, принес с собою на кафедру эти

¹ Подчеркнуто мною. Н. Ф.

² На это обстоятельство обратил внимание В. Я. Брюсов, отметив и существующие в рукописи указания на лишний стих (о чем ниже), но не сделал из этого соответствующих выводов (брюсовское издание, стр. 239).

стихи, как новость, только что полученную им от автора, и прочел их своим слушателям. Можно представить себе, с каким восторгом мы приняли их; скоро они появились между нами во множестве списков и были всеми выучены наизусть.

Таким образом, Гроп свидетельствует, что и до печати стихотворение распространялось Пушкиным или его друзьями в том же виде, в каком оно было напечатано впервые, т. е. в составе 18 строф. Это, казалось бы, давало право считать текст издания 1829 г. дефинитивным. Однако найденный мною автограф проливает несколько иной свет на этот вопрос и позволяет внести к тексту 1829 г. один существенный корректив.

Находка, о которой идет речь, сделана мною в 1924 г. в Тверском музее. Там имеется экземпляр стихотворений Пушкина, изд. 1829 года, подаренный поэтом Екат. Ник. Ушаковой. Сведения об этой книге имеются в печати. В академическом издании «Пушкин и его современники», вып. II, СПб., 1904 г., в напечатанном там «Извлечении из протоколов заседаний комиссии», для издания сочинений Пушкина при Отд. русск. яз. и словесн. Имп. Академии Наук протокол заседания от 27 марта 1903 г., п. VII, гласит следующее:

Делопроизводитель доложил о полученном при отношении Тверской ученой Архивной комиссии от 25-го октября 1902 г., за № 260, экземпляре «Стихотворений Александра Пушкина», ч. 1, СПб., 1829 г., найденном в библиотеке бывших помещиков Калязинского уезда Ушаковых; на обложке книги рукою Пушкина сверху написано чернилами: «всякое даяние благо»—внизу: «Всяк дар свыше есть», на внутренней стороне обложки: «Катерине Николаевне Ушаковой от А. П. 21 сентября 1829 Москва», а на задней обложке с наружной стороны: «Nes femina, nes ruet...»

Положено: возвратить книгу в комиссию и выразить ей благодарность от имени Пушкинской Комиссии ¹.

¹ Кроме того сведения об этом экземпляре помещены в журнале 86 заседания Тверской Уч. Арх. комиссии.

Уже после того как настоящая статья была написана, мне попался в руки тверской журналчик «Материалы Общества изучения Тверского края», выпуск III, апрель 1925 г., где на стр. 17—21 помещена заметка

Хотя, как видим, книга была в руках столь авторитетных учреждений, как Тверская ученая архивная комиссия, а затем комиссия по изданию сочинений Пушкина при самой Академии наук (на заседании 27 марта 1903 г. присутствовали: председатель, ординарный академик А. Н. Веселовский, члены: академики А. Н. Пыпин, А. А. Шахматов и Ф. Е. Корш; В. И. Саипов и В. Е. Якушкин; делопроизводитель Б. Л. Модзалевский), но, как это нередко фатально случается у нас, ни тверские археологи, ни почтенные академики не сумели ни описать как следует бывшей у них в руках книги, ни правильно прочесть пушкинских надписей и совсем проглядели то, что в этой книге есть самого интересного.

Во-первых, в книге имеется не одна только первая часть, но и вторая; обе части переплетены вместе. Во-вторых, в этом экземпляре интересно то, что сохранена обложка, которую обычно отрывают при переплете¹. Сохранилась обложка лишь от 2-й части и была вклеена в начало книги; обложка от 1-й части, очевидно, была уничтожена, но из нее были вырезаны: кусочек со словом «Первая» и полоска с пушкинской надписью — и наклеены на обложку 2-й части, что ясно заметно и на воспроизводимом снимке (см. рис. № 1).

Пушкинские надписи таковы:

1) *„Всякъ даръ совершенъ свыше есть“* (было написано на обложке 1-й части, вырезано и наклеено на обложку 2-й части внизу) и

2) *„всякое даяніе благо—“* (написано наверху обложки 2-й части)².

И. Виноградова «Автографы Пушкина в Тверском музее». Заметка дает описание экземпляра «Стихотворений А. Пушкина», сообщает довольно подробные сведения о знакомстве Пушкина с Ушаковыми. На стр. 18—21 воспроизведены снимки обложки и автографов поэта.

¹ По крайней мере во всех экземплярах этого издания, которые мне удалось достать в Москве, обложки не сохранились.

² В приведенном выше «Извлечении из протоколов» почему-то исчезло слово «совершен».

На обороте имеется надпись:

*Катеринь Николаевнъ
Ушаковой
от А. П.
21 сентября
1829
Москва*

Эта надпись воспроизведена в «Извлечении» верно, лишь напечатана в спрочку, что не передает ее внешнего вида (см. рис. № 2).

На задней стороне книги надпись:

«Nec femina, nec ruet»...¹

Но главный интерес книги заключается не в этих надписях, а в том, что во второй части, на чистом конце стр. 43, под последней строкой стихотворения «19 октября», занимающего в этом издании стр. 34—43, имеется, очевидно, никому не известный автограф Пушкина. Он написан карандашом, но уверенным почерком, без единой помарки, и представляет собою чистовой, окончателный текст 21-й строфы стихотворения (про царя). На предыдущей, 42-й, странице после 16-й строфы по печатному тексту, в конце ее последней строки

«Не помня зла, за благо воздадим» —

Пушкиным карандашом поставлен крестик и сноска. В конце, под последней строкой стихотворения такой

¹ Об Ушаковых Елизавете и Екатерине Николаевне и отношениях к ним Пушкина, полагаю, было бы излишним здесь говорить. Напомню только, что 20 сентября 1829 г. Пушкин приехал с Кавказа в Москву, повидимому, тут же получил авторские экземпляры вышедшего без него собрания стихотворений, и на другой же день по приезде, 21 сентября, подарил экземпляр Екат. Ник. Ушаковой; октября 5 — он нарисовал известный карикатурный рисунок на Елиз. Мих. Ушакову («кисаньку»), октября 12 Пушкин выехал из Москвы в Малинники. Надпись «Nec femina, nec ruet» заставляет вспомнить эпиграф к «Домике в Коломне» — «Modo vir, modo femina».

же крестик и сноска и затем написана вся строфа про царя в таком виде:

*Полный, полный! и сердцемъ возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? о други, угадайте...
Ура, нашъ Царь! такъ! выпьемъ за Царя.
Онъ человекъ! имъ властвуетъ мгновенье.
Онъ рабъ молвы, сомнѣній и страстей;
Простимъ ему неправое гоненье:
Онъ взялъ Парижъ, онъ основалъ Лицей.*

Тот факт, что Пушкин сам вписал эту строфу в печатном экземпляре, говорит нам с полной несомненностью, что ей он придавал важное значение, мыслил ее органически необходимой в составе стихотворения и считал нужным ее восстановить.

Если другие строфы могли быть исключены Пушкиным как излишние или не вполне отделанные, то несомненно, что как раз эта строфа, хотя и «верноподданническая» в основе, но содержащая несколько смелые для «подданного» суждения о царе — не могла быть напечатана по цензурным соображениям. Напомню что в издании Анненкова, и даже в первой научной публикации Грота, в 1857—1858 гг., ее оказалось невозможным напечатать целиком¹.

Нетрудно убедиться, что эта строфа действительно органически входит в замысел стихотворения. Создавая его, Пушкин находился в благосном, примирительном настроении. Вспомнив всех своих поварихей, даже Горчакова, которого едва ли особо любил, Пушкин надеется следующую годовщину пировать вместе с товарищами.

Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните ж поэта предсказанье;
Промчится год — и с вами снова я!

¹ Понятно, что и Кошанский (см. выше цитированные воспоминания Я. Грота) не мог читать этой строфы лицеистам, если даже и знал ее.

Представляя себе эту будущую пирушку в кругу друзей, поэт восклицает:

О, сколько слез и сколько восклицаний,
И сколько чаш, подъятых к небесам —

и дальше говорит о порядке постов. Первый пост — за Лицей, за поварищей, за их союз, за учителей —

И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна в честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови! да здравствует Лицей!
Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честно, и мертвым, и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

Затем следует второй пост:

О други с мест! вторую наливайте!
Полней, полней! и, сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте.
Но за кого ж? о други! угадайте...
Ура, наш Царь! так! выпьем за Царя...¹

В предшествующей строфе сказано о первой чаше; естественно за ней должна последовать вторая. Если выпустить строфу о царе, то слово «первую» представляется как бы не вполне оправданным. Очень гармонируют обе строфы друг с другом и по общему тону. Придя в благостное настроение, Пушкин предлагает «простить» педагогам:

Всем честно, и мертвым и живым...
Не помня зла, за благо воздадим...

Мы знаем, что далеко не о всех лицейских учителях были у лицейстов и у Пушкина хорошие воспоминания, но для радостного случая — можно злом не помянуть. «Воздадим» педагогам, «не помня зла, за благо», поэт вспоминает и Александра как основателя Лицея — ход мысли

¹ Беру текст из лицейского автографа.

несколько неожиданный; поэт заинтриговывает поварихой, не говорит сразу, предлагает «угадать», и, не надеясь на их слишком большую догадливость, сам отвечает.

Ура, наш царь! так! выпьем за царя...¹

Простив «за зло» учителям, Пушкин предлагает для радостного случая простить и Александру:

Он человек, им властвует мгновение,
Он раб молвы, сомнений и страстей,
Простим ему неправое гонение...

За что же? Как и педагогам: «не помня зла, за благо»:

Он взял Париж, он основал Лицей.

Эти мысли вполне гармонировали с настроением Пушкина. Правда, мы знаем, что он далеко не симпатизировал Александру I. Вспомним хотя бы известные слова из письма к Жуковскому от первой половины января 1826 г.:

«Говорят, ты написал стихи на смерть Алек(сандра) — предмет богатый! — Но в печенки десяти лет его царствования, лира твоя молчала. Это лучший упрек ему. — Никто более тебя не имел право сказать: глас лиры глас народа. Следств(енно) я не совсем был виноват, подсвистывая ему до самого гроба»².

Но это несколько, конечно, не исключает возможности благодушно-прощающего настроения по отношению к Александру. Уже самый факт, что, вспоминая лицейскую годовщину, Пушкин счел нужным поднять тост за царя, говорит об этом с достаточной убедительностью. Повидимому, отношение Пушкина к Александру I было двойственное. Вообще он его не любил, и этого он не скрывал и в стихотворении «19 октября»: сказал и о «неправом гонении», и о том, что царь — «раб молвы, сомнений и страстей», но поэт мог испытывать к нему вполне искренне благодарность за две вещи — за основание Лицея и взятие Парижа.

¹ По Тверскому автографу.

² «Переписка», т. I, стр. 319.

Сколь дорог был для поэта Лицей и все, что было с ним связано, не требует напоминаний и пояснений. Естественно и к основателью лицея Пушкин, несмотря ни на что, готов был питать благодарные чувства. «Взятие Парижа» также, очевидно, затрагивало в душе поэта какие-то близкие струны. Патриотические чувства Пушкина, его любовь к славе России, конечно, никакому сомнению не подлежат и вполне гармонируют с теми элементами дворянско-аристократической психологии, которые у Пушкина были очень сильны. Вспомним «Клеветникам России», пролог к «Медному всаднику», стихотворение, посвященное 12-му году и его героям («Бородинская годовщина», «К тени полководца» и пр.). Вспомним, что даже в самом антипатриотическом письме от 27 мая 1826 г. к кн. П. А. Вяземскому, где Пушкин говорит: «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног», он тут же прибавляет: «но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство»¹. Вспомним, наконец юношеское стихотворение Пушкина, написанное на возвращение Александра из Европы после взятия Парижа. Там Пушкин писал:

Свершилось!.. Руской ЦАРЬ, достиг ТЫ славной цели!
Вотще надменные на родину летели;
Вотще впредь знамен бесчисленных дружин
В могущей дерзости венчанный исполни
На гибель грозно шел, влек цепи за собою:
Меч огненный блеснул за дымною Москвою!
Звезда губителя потухла в вечной мгле,
И пламенный венец померкнул на челе!..
О, сколь величествен, бессмертный, ТЫ явился,
Когда на сильного с сынами устремился...

(«На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году».)

Несмотря на весь державинско-громозвучный, как бы официально-казенный, пафос этой оды, все же нет никаких оснований утверждать, что молодой Пушкин, еще

¹ Переписка, т. I, стр. 352.

почти не изведавший либеральных настроений, находящийся в придворно-аристократическом закрытом учебном заведении, под несомненным воздействием всей придворно-аристократической атмосферы, писал эти строки искренно. Патристический восторг, охвативший тогда все наше дворянское общество, гипноз побед и военного блеска —

Лоскутья сих знамен победных,
Сиянье шапок этих медных,
Насквозь простреленных в бою —

все это захватило мальчика Пушкина ¹

В Париже Росс! где факел мщенья?
Поникни, Галлия, главой!
Но что я зрю? Герой с улыбкой примиренья
Грядет с оливою златой!..
Достойный внук Екатерины!.. и т. д.

И вот отзвук этих настроений сказался через 10 лет в благостно-примирительный момент, когда поэт в Михайловской пиши вспомнил об основании Лицея, да еще под воздействием «осенней спужи друга» — вина... ². И вовсе, разумеется, нет оснований думать, что Пушкину надо было отречься от своего «подсвистывания» «венчанному солдату», чтобы высказать эти примирительные чувства.

Надо обратить еще внимание на характерный мотив — «Он человек! им властвует мгновение...» Мотив тоже весьма типичен для Пушкина, который не раз склонен был «по-человечески» относиться к несимпатичным ему общественным деятелям. Осуждая их деятельность, он

¹ Ср. еще «Воспоминания в Царском Селе».

² Для 1829 года, когда Пушкин написал строфу про царя в стихотворении, это примирительное настроение к Александру I, уже умершему, также представляется естественным. «Помилуванный» Николаем и не испивший еще до дна всей горькой чаши царско-бенкендорфовских милостей, Пушкин в это время хотел искренно быть лояльным, жить в мире с правительством. Вспомним его «Стансы», «Друзьям», «Героя», «Записку о народном воспитании», некоторые высказывания в письмах.

готов был прощать им, как людям, особенно за срадания, ими испытанные. Припомним хотя бы отношение поэта к Наполеону. Этому «тирану», которому «во след» полетело «проклятие племен», Пушкин также благостно после его смерти протягивает пальмовую ветвь примирения и прощения и относится к нему уже не как к полипическому деятелю, который «человечество презрел» и «обновленного народа», «буйность юную смирил», а как к человеку, испытавшему горькую судьбу: «искуплены его стяжанья» — «тоскою душного изгнанья» — ведь «один, один о милом сыне в уныньи горьком думал он...» И Пушкин приглашает начертить «слово примиренья» на «оном камне». Подобное же настроение может быть установлено и по отношению к некоторым пушкинским героям. Например, рисуя крайне несимпатичный образ скупого рыцаря, поэт все же в конце концов делает его жалким, как человека, который понял в конце жизни, что жил бесцельно и что все его мечты разлетаются в прах.

В настоящей статье было бы неуместно останавливаться подробно на этой черте пушкинской психики и устанавливать социально-классовые корни подобного «примиренческого» настроения. Замечу лишь, что оно, несомненно, связано с принадлежностью поэта к привилегированному и господствующему классу. При всех невзгодах, переживаемых Пушкиным, у него не могло быть той озлобленности, той непримиримости, которая естественна у «плебея». Для дворянина той эпохи как-то особо легко было «простить» человека, особенно своего все же круга, подойти к его оценке «по-человечески». Быть может, туп имеются уже зачатки той «интеллигентской мягкотелости», которая несвойственна представителям класса, вынужденного бороться с привилегированными слоями и завоевывать свое право на жизнь или власть. Эти мысли, конечно, требуют более подробного обоснования, почему я их и не развиваю здесь подробно, так как сейчас ставлю себе определенную узкую цель — установления дефинитивного текста стихотворения «Роняет лес...»

Остановлюсь еще на разночтениях, которые дает тверской автограф по сравнению с лицейской (грозовской) рукописью и анненковским вариантом. Уже говорилось, что 21-я строфа в черновой рукописи и в воспроизведении Грота и Брюсова имеет не 8, а 9 строк. Первые строки в черновой рукописи (по В. Брюсову) читаются так:

О, други, с мест! вторую наливайте!
Полней, полней! — и, сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!..
Но за кого-ж?.. О, други, угадайте...
Ура, наш Царь! — так, выпьем за Царя...

получается лишняя строчка, с лишней рифмой. Однако рассмотрение рукописи показывает, что первоначально в этой первой половине строфы было не пять, а, как и полагается, четыре строки, и что начиналась она со второй строки: «Полней, полней» и пр., 1-я же строчка была написана после. Точная транскрипция этих пяти строк такова:

- вторую* ²
- 1 О други съ мѣсть, [бокалы] ¹ наливайте
 2. Полнѣй, полнѣй — и сердцем возгоря
 3. Опять до дна, до капли выпивайте!..
Но за кого ж?.. о, други! угадайте...
нашъ ²
 4. Ура Царь! — такъ выпьемъ за Царя.

Изменив начало строфы и вписав новую первую строку, Пушкин для ясности перенумеровал последовательность строк, очевидно, решив выбросить строку, бывшую первоначально третьей («Но за кого ж?» и пр.), только забл был ее зачеркнуть или счел это преждевременным, считая всю строфу еще не окончательно отделанною, а быть может, в какой-то степени и дорожа этим характерным

¹ Зачеркнуто.—Н. Ф.

² Набранное курсивом написано позже.—Н. Ф.

переходом с вопросом: «Но за кого ж?..» Отсутствует эта строка и у Анненкова, хотя, понятно, в ней не могло быть ничего «нецензурного» — повидимому в рукописи, находившейся в руках Анненкова, эта строка уже отсутствовала. В тверском автографе пропущенная, но не зачеркнутая Пушкиным строка восстановлена, но зато выкинута надписанная в черновой рукописи первая, и строфа получает должную стройность с сохранением указанного характерного перехода с вопросом: «Но за кого ж?»

Полней, полней! и, сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? о, други, угадайте...
Ура, наш Царь! так! выпьем за Царя...

Далее имеется ряд характерных отличий в пунктуации и правописании, что видно из следующего сравнения:

Лицейский автограф:

Полнѣй, полнѣй — и сердцемъ воз-
горя
Опять до дна, до капли выпивай-
те!..
Но за кого жь?... о други! угадай-
те...

нашъ

Ура Царь! — такъ выпьемъ за
Царя
Онъ человекъ: имъ властвуетъ
мгновенъе
Онъ Рабъ Молвы, сомнѣнья и
страстей —
Но такъ и быть
Простимъ ему [неправое]¹ го-
ненъе.
Онъ взялъ Парижъ и создалъ нашъ
Лицей.

Тверской автограф:

Полнѣй, полнѣй! и сердцемъ воз-
горя:
Опять до дна, до капли выпивай-
те!
Но за кого? о други, угадайте...

Ура, нашъ Царь! такъ! выпьемъ за
Царя,
Онъ человекъ! имъ властвуетъ
мгновенъе,
Онъ рабъ молвы, сомнѣній и спра-
стей,
Простимъ ему неправое гоненъе:
Онъ взялъ Парижъ, онъ основалъ
Лицей

Подчеркнем наиболее характерные различия.

¹ Зачеркнуто. — Н. Ф.

В вопросе: «Но за кого ж?» Пушкин исключил неблагозвучное «ж».

В 1825 г. Пушкин еще по старой своей манере написал с больших букв «Раб Молвы» — теперь, в 1829 г., он заменил прописные буквы строчными.

Вместо «сомнѣнья и спраспей» поправил: «сомнений и спраспей».

В предпоследней строчке Пушкин восстановил первоначальное чтение:

Простим ему неправое гонѣне.

И, наконец, для заключительной строки дал новый вариант вместо: «и создал наш Лицей» — «он основал Лицей». Последний вариант с двумя «он» в строчке, звучит, конечно, гораздо ярче.

Итак, для этой строфы, мы можем установить следующую историю текста:

1) не считая, конечно, неизвестных нам, но возможных, черновики) — первоначальный текст лицейской рукописи:

Полнѣй, полнѣй — и сердцемъ возгоря
Опять до дна, до капли выпивайте!..
Но за кого-жь?.. о други! угадайте...
Ура нашъ Царь! — такъ выпьемъ за Царя
Онъ человекъ: имъ властвуетъ мгновенѣе
Онъ Рабъ Молвы, сомнѣнья и спраспей—
Простимъ ему неправое гонѣне:
Онъ взялъ Парижъ и создалъ нашъ Лицей.

2) Тот текст, который получается, если принять во внимание авторские поправки в лицейской рукописи, поставленную Пушкиным нумерацию строк, неполную публикацию Анненкова и невозможность девятистрочной строфы:

вторую
О други съ мѣстѣ,* (бокалы) наливайте
Полнѣй, полнѣй — и сердцемъ возгоря
Опять до дна, до капли выпивайте!..
Ура нашъ Царь! — такъ выпьемъ за Царя.

Онъ человекъ: имъ властвуетъ мгновенье
Онъ Рабъ Молвы, сомнѣнья и страстей—
Но такъ и быть. Простимъ ему гоненье:
Онъ взялъ Парижъ и создалъ нашъ Лицей.

3) Окончательный текст — тверской автограф.

Итак, как же печатать стихотворение «19 Октября», какой текст считать дефинитивным?

В основу, разумеется, должен быть положен первопечатный текст издания 1829 года, который и надо воспроизводить, сделав разве лишь одно орфографическое исправление (Царское Село—как сделал это и Томашевский)¹.

Фамилии Пушина и Горчакова, как опущенные поэтом из цензурных соображений, должны быть восстановлены².

Но, как следует из всего вышесказанного, в этот первопечатный текст мы не только имеем право, а и обязаны внести строфу 21-ю (по пушкинской нумерации в лицейской рукописи)—о царе, поместить ее непосредственно за 16-ю строфу первопечатного текста, так как эта строфа органически связана с основным текстом стихотворения и восстановлена самим Пушкиным в 1829 г. Разумеется, внести ее надо в том окончательном варианте, который дается тверским автографом.

Весь остальной текст, имеющийся в черновой и не вошедший в первопечатное издание, надо помещать в примечаниях. Туда же надлежит отнести эпиграф и дапу в конце стихотворения.

¹ «Пермесских дев» с прописной буквы можно оставить, если передавать пушкинское правописание. Если же все стихотворение печатать по новому правописанию, то, конечно, возможно уничтожение прописной буквы в слове «Пермесских», равно как и в слове «Царь».

² Впрочем, в академическом издании, при условии возможно точной передачи пушкинского текста, быть может, не лишним будет взять в скобки не написанные Пушкиным буквы, т. е. печатать так: «О Пу(ущи)н мой...» и «Ты Г(орчако)въ...»; в изданиях популярных, конечно, нет оснований для такой точности. Замечу, что фамилию Дельвига и имя Кюхельбекера («Вильгельм») Пушкин написал в автографе полностью.

Таким образом, дефинитивный текст конца стихотворения «19 октября» (1825) будет такой ¹.

16

И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна в честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
125 Благослови: да здравствует Лицей!
Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым, и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

17

Полней, полней! и сердцем возгоря,
130 Оять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? о, други, угадайте!..
Ура, наш царь! так! выпьем за царя!
Он человек! им властвует мгновение.
Он раб молвы, сомнений и страстей,
135 Просим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей.

18

Пируйте же, пока еще мы туп!
Увы, наш круг час от часу редеет;
Кто в гробе спит, кто дальний сиротеет,
140 Судьба глядит, мы вянем; дни бегут.
Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему..
Кому ж из нас под старость день Лицея
Торжествовать придется одному?

¹ В целях экономии места не перепечатываем всего стихотворения, а лишь 4 его последние строфы. Строфы 1--15 см. в изд. 1829 г., или у Томашевского.

19

Несчастный друг! средь новых поколений
Докучный гость, и лишний и чужой
145 Он вспомни нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой.
Пусть же он с отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведет,
Как ныне я, затворник ваш опальной,
Его провел без горя и забот.

ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ
ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ПУШКИН

СБОРНИК ВТОРОЙ

Редакция Н. К. ПИКСАНОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД